

Ю.А. Добролюбская, А.О.Добролюбский

«ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН...»

J.A.Dobroliubskaia, A.O.Dobroliubski. "Save me, my talisman...".

The article analyses a plaster amulet of XVII-XVIII centuries found close to Odessa and having on its obverse a composition of two dolphins moving one after the other clockwise. The image suggests a high apotropaic implication. The semiotic analysis of the amulet is made against the wide historical background of the epoch. The amulet is supposed to have belonged to a Christian Cossack and used to be a talisman saving him of any danger. The amulet is an outstanding and unique artifact reflecting the chivalrous mentality of the Ukrainian Cossacks.

Несколько лет назад профессор Южноукраинского педагогического университета А.И.Кавалеров показал авторам небольшое алебастровое изделие, которое он нашел на своем дачном участке под Одессой, в пойме Аджалыкского лимана, в районе с.Вапнярка. Оно оказалось овальным амулетом с ушком для нашейной веревочки и было, по всей видимости, предназначено для ношения на груди (рис.1). Изделие сохранило на своей поверхности остатки желто-коричневого лака.

Амулет был найден в груде чернозема, перевезенного с другого, водораздельного участка — нынешней пашни. Никаких других вещей, т. е. «материального контекста находки», в этой груде найдено не было. В археологическом отношении это означает отсутствие какого-либо культурного слоя в том месте, где был взят чернозем. находка может квалифицироваться как случайная — вероятнее всего, амулет был в свое время потерян его владельцем в степи на водоразделе и оказался, таким образом, в составе пахотного черноземного слоя.

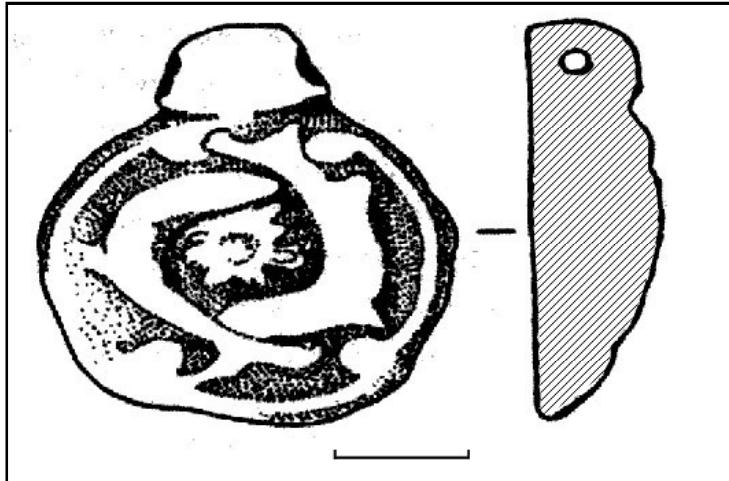
На лицевой стороне амулета выпукло изображены два дельфина, находящиеся в вертикально-антиподальной оппозиции и своими телами образующие окружность. В центре этой окружности различается изображение цветка (или солнца?). Эта композиция по периметру обрамлена орнаментальной символикой одной из основных стихий — воды (Керлот 1994: 366). Задняя сторона амулета плоская, изображений не содержит. По технологическим признакам перед нами не ручная работа, а алебастровая отливка — видимо, была произведена серия таких изделий. Наиболее вероятно, что литейные формы были изготовлены для производства металлического амулета — из мягких и благородных металлов — меди, серебра, золота. Наш экземпляр представляет собой алебастровую и более дешевую «реплику» такого же металлического изделия (лак имитировал изделие «под

медь»). Это может означать, что все обладатели подобных амулетов были объединены в некую общность, связанную единством символики и общей эмблемой.

К сожалению, прямых аналогий нашему изображению отыскать не удалось. Это обстоятельство крайне затрудняет датировку изделия по его эмблеме. Литейное производство, равно как и культы, связанные с изображением дельфина, известны с древнейших времен: в египетской мифологии дельфин был атрибутом богини жизни Изиды, а в минойской — рассматривался как могущественная морская сила. Дельфин издавна почитался как символ мужества — спаситель и вдохновитель смелых людей, прежде всего, путешественников и мореплавателей, как божество, предотвращающее несчастья. Его конкретные сотерическая и апотропеическая функции — спасение при кораблекрушениях или же их предотвращение. Он считался также царем рыб и морским поводырем, проводником душ в подземном царстве и атрибутом морского бога Посейдона. В античные времена в Причерноморье был широко распространен культ Аполлона Дельфиния — изображения дельфинов имеются в иконографии монет многих древнегреческих городов — Истрии, Ольвии и др. Наряду с чисто «мужскими» сотерическими функциями, дельфин олицетворяет свет, солнце и женское начало или материнское лоно (сравн.: созвучия *delphis* — дельфин и *delphys* — лоно). Любовная семантика дельфина связана с Афродитой — «женщиной моря» — и с Эросом; он также является атрибутом постоянно возрождающегося Диониса. Богиня Фетида, помощница Диониса, мать Ахилла, ездит обнаженной на дельфине — образ, синкретично олицетворяющий гармонию мужского и женского естества, жизни и ее защиты (Соорер 1978: 54).

Отсутствие прямых аналогий нашей эмблеме в античное время, равно как и малая веро-

Рис. 1. Алебастровый амулет с изображением дельфинов (определение Л.В.Субботина и В.Г.Петренко) и символа солнца, найденный под Одессой.

ятность столь хорошей сохранности изделия из гипса вне культурного слоя на протяжении тысячелетий побуждает нас, однако, отклонить предположение об античном происхождении рассматриваемого амулета — вряд ли гипсовая отливка, даже защищенная нестойким лаком, могла сохраняться в пахотном черноземе более нескольких столетий. Зато подобная семантика вполне могла сохраняться как угодно поздно в христианском мире. Действительно, изображение дельфина органично входит в христианскую символику и сохраняется в ней по сей день. В христианском представлении дельфин обозначает самого Христа как спасителя, пробудителя душ из вод смерти. Дельфин с кораблем или якорем изображает церковь, ведомую Христом, в христианском искусстве иногда заменяет корабль или радугу — также спасение и возрождение. Дельфин, пронзенный трезубцем или якорем — это Христос на кресте. Иногда дельфин занимает место кита и может означать восхождение.

Между тем, на рассматриваемой эмблеме нет никаких прямых христианских символов, связанных с крестом. В иконографическом отношении это изображение наиболее сходно с эмблемой на реверсе серебряных монет Ольвии V в. до н.э. — четыре дельфина окружают солярное колесо. Такая близость особенно очевидна и семантически — дельфины, расположенные по кругу, находятся в попарной антиподальной оппозиции и окружают солнце — символ жизни, света и женского естества.

Антиподальная оппозиция — традиционный способ изображения дельфинов, который «всегда символизирует двойственные космические потоки инволюции и эволюции» (Керлот 1994: 170), иными словами — дуалистичность природы и мироздания. В этом отношении изображение на амулете придает его владельцу очень сильную семиотическую защищенность — синкретичность образов двух мужских начал, окружающих солнце-лоно-цветок. В апотропеико-сотерическом отношении владелец такого талисмана мог считать себя едва ли не неуязви-

мым для любых превратностей судьбы.

Такое семантическое заимствование античных образов могло быть свойственно христианской символике лишь в эпоху классицизма, девизом которого стало требование И.Винкельмана: «Единственный для нас способ быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним». Соответственно и символом ее стали «простота, чистота симметрии и глубина мысли» (Словарь античности 1989: 265). Именно в эту эпоху античная символика органично входит в христианскую. В таком случае, временем классицизма и должен с наибольшей вероятностью датироваться найденный нами амулет, т. е. XVI-XVIII вв. Очевидно, он был потерян неким христианином в «диком поле», когда земли близ нынешней Одессы и античной Ольвии населяли ногайцы Едисанской орды. Эти земли принадлежали Османской империи и были мусульманскими. Однако мусульманская символика не знает изображений дельфинов. В таком случае его христианская атрибутика кажется несомненной.

Беспорна и двойственная «женско-мужская», дуальная символика как самих дельфинов, так и окруженного ими солнца-цветка. Синкретичность этих образов наряду с повышенной «апотропеико-сотерической» (предотвращающе-защитающей) нагрузкой всей композиции позволяет предполагать, что владелец такого амулета должен был вести жизнь, сопряженную с множеством опасностей и неожиданностей. Это мог быть военный человек, моряк или торговец — но вряд ли человек мирного труда.

XVI-XVIII вв. — бурные времена для нынешней Южной Украины. Ясно, что мирному христианину было нечего делать здесь, на тогдашней мусульманской территории. Особая опасность этих земель в эту эпоху неоднократно отмечалась путешественниками (Эвлия Челеби 1961 и др.). Они были зоной частых казацких набегов с севера и со стороны Поднепровья, откуда регулярно организовывались и казацкие морские экспедиции. Именно тип казака-христианина — воина и мореплавателя — может ока-

заться наиболее подходящим для обладателя такого талисмана, который должен был надежно его защитить от любых превратностей судьбы. Казаки, как и все солдаты во все времена, были очень суеверными. Ясно, что владелец амулета должен был им очень дорожить.

Известно, что большинство одиноких казак-воинов на отдаленных от Сечей территориях проводили зиму в «бурдюгах», а к весне собирались под знамя какого-нибудь атамана — владельца постоянной зимовки-паланки. Такой образ жизни, чрезвычайно нестабильной и полной постоянной опасности, сделался для казаков чрезвычайно характерным (Гоголь 1950; Яворницький 1990, и др.). Поэтому в ментальности казачества достаточно органично сочетаются «дуальные» свойства — личное безоглядное мужество, привычка рассчитывать только на себя со склонностью к объединениям в случаях непрекращающейся военной опасности. Найденный амулет в полной мере отражает подобные представления — с одной стороны, он индивидуально защищает своего владельца, а с другой — предусматривает его вхождение в некое сообщество (братство), объединенное едиными целями. На это указывает очевидная серийность гипсовых амулетов, принадлежавших, видимо, рядовым «братьям». Надо полагать,

владелец металлического — золотого или серебряного экземпляра — должен был возглавлять такое сообщество. Казацкие военно-морские отряды организовывались именно подобным образом со времени своего возникновения и вплоть до конца XVIII в. — до образования особых подразделений Черноморского казачьего войска в составе русской армии. Рыцарская ментальность казаков, связанная с дальними морскими походами и их службой в христианских рыцарских орденах (например, Мальтийском) неоднократно отмечалась историками и писателями (Скальковский 1994; Добролюбська 1997 и др.).

Возможно, это обстоятельство может объяснить описанную находку — талисман, по всей видимости, принадлежал рядовому казаку, участнику морских походов. Два дельфина, окружавшие солнце-цветок — символ жизни — защищали его грудь и надежно гарантировали безопасность в морских сражениях. Вряд ли с таким нагрудным амулетом можно было расстаться добровольно или потерять по небрежности — этот знак был жизненно важен. Но на суше дельфины утрачивали свои защитные свойства — и не исключено что владелец талисмана погиб в степи под Хаджибеем от турецкой пули или ногайской сабли...

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь Н.В. 1950. Вечера на хуторе близ Диканьки // Соч. в шести томах, т.1. М.
- Добролюбський А.О., Добролюбська Ю.А. 1997. О «мальтийской» ментальности черноморских казаков // Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Матеріали міжнародної наукової конференції, секція 3. Запоріжжя.
- Керлот Х.Э. 1994. Словарь символов. М.
- Словарь античности. 1989. М.
- Скальковский А.О. 1994. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ.
- Эвлия Челеби. 1961. Книга путешествия. Земли Украины и Молдавии. М.
- Яворницький Д.І. 1990. Історія запорізьких козаків. У 3-х тт. Т. 1. Львів.
- Cooper J.C. 1978. An Illustrated Encyclopaedia of Traditional Simbols. London.